БИБЛИОТЕКА ПЛЮС ТВОРЧЕСТВО

Алла Акименко

Мне тревожно жить И хорошо...

Биробиджанская областная универсальная
научная библиотека им. Шолом-Алейхема

Библиотека плюс Творчество

АЛЛА АКИМЕНКО

Мне тревожно жить и хорошо…

Биробиджан, 2007

ББК 78.3
А 39

Редакционная коллегия: Журавлева О. П., Друковская С. Н., Кузнецова Е. А. (сост.). Токарева Н. И., Козина И. В. (верстка).

Акименко А. Н. Мне тревожно жить и хорошо… / А. Н. Акименко. – Биробиджан, ОУНБ им. Шолом-Алейхема, 2007. – 36 с. (Библиотека плюс Творчество. Вып. 1.).

Перед вами первый выпуск сборника «Библиотека плюс Творчество». Его цель – раскрыть библиотекарей как творческих личностей.

На страницах данного издания представлены поэтические строки библиотекаря БОУНБ им. Шолом-Алейхема Аллы Акименко. Ее поэзию давно и хорошо знают земляки.

Дорогие друзья!

Мы обращаемся ко всем друзьям библиотек – коллегам-библиотекарям и читателям. Рады представить Вам первый выпуск альманаха «Библиотека + Творчество». Он приурочен к Всероссийскому дню библиотек и призван напомнить всем, что в библиотеках работают люди неравнодушные, творческие, талантливые. Иначе просто и быть не может. Среди библиотекарей немало литературно одаренных людей. Есть и состоявшиеся литераторы, чье творчество публиковалось в журналах и сборниках, и участники творческих студий и объединений, и просто пишущие для себя и для близких. Литературное творчество для одних – средство самопознания и самовыражения, для других – игра ума, для третьих – своеобразная психотерапия, помощь самому себе в трудную минуту. Но, какова бы ни была первопричина писательских упражнений, они раскрепощают библиотекаря, дают выплеснуться эмоциям, позволяют посмотреть на привычные вещи с непривычной стороны. Личная увлеченность предметом позволяет библиотекарю проводить яркие литературные вечера для читателей. Творческие занятия авторов раскрывают ту или иную грань личности библиотекаря, а чем богаче и многогранней личность, тем интересней она для окружающих.

Таким человеком и профессионалом в полной мере является наша коллега, заведующая сектором национальной литературы БОУНБ им. Шолом-Алейхема Алла Николаевна Акименко, чьё поэтическое творчество мы с радостью представляем на страницах первого выпуска альманаха.

Алла Николаевна Акименко родилась в Советской Гавани. С 1966 года живет в Биробиджане. В 1973 г. закончила Хабаровское краевое культпросветучилище по специальности библиотекарь. В 1980 г. окончила филологический факультет Хабаровского гос. пединститута. Печаталась в областной периодической печати, в сборниках «Славен в стихах и песнях Биробиджан», «Над тайгой заря занимается», «Биробиджан» и др. Много лет отдала библиотечной профессии, вырастила троих сыновей и по-прежнему остается притягательной яркой творческой личностью.

Мимо болотца недальнего –
Как будто совсем недавно –
Я утром шагала в школу
Пели лягушки хором,
Поскрипывали-подпевали
Дощатые тротуары.
И не было дома с аркой
И в нём магазина «Старта».
Бревёнчатые домишки,
Скосивши береты-крыши,
Спускались с бугра к болотцу.
У каждого – по колодцу,
По тополю у калитки,
По вишенке и малинке.
В густой бело-розовой пене
Под солнцем сады кипели.
Оттуда цветущим маем
Несла я черёмуху маме…
Где я проходила мимо,
Не было улицы Миллера.
В кругу литобъединенья
Он слушал мои сочиненья.
Я помню его улыбку –
С такою качают зыбку…
И скольких она согрела…
Так скорбно затихли деревья.
Скрипят или стонут,
Иль шепчут
О всех безвозвратно ушедших.
О, как дорогих их много
Лежит за валдгеймской дорогой!
Как будто совсем недавно
Цвёл город мой первозданный
У синей прозрачной реки,
Где берег, заросший осокой,
Где были дома невысоки
А люди –
Так высоки!

Кавказ

Кавказ в огне –
А боль горит во мне.
Я некогда его другим знавала.
Он мне светил
В костре прошедших дней
Иных страстей
Возвышенным накалом.
Я знаю, как умеют там любить
И песни петь
Про доброту и жалость,
Про честь,
Которой место должно быть
В душе, а не на острие кинжала.
Я свадьбу помню яркую одну:
Сынка женил Халил – азербайджанец.
И нас, гостей,
И всю его родню
Свёл воедино
Искромётный танец.
Теперь в такой же
Пляске огневой
Бушует пламя
Злыми языками
И безутешный материнский вой
Клокочет под немыми
Небесами.
Чтоб адские страдания вместить,
Скажите,
Где же взять такое сердце
И продолжать на этом свете жить,
Увидевши обугленных младенцев?!
О, матери многострадальных гор!
Объединимся все молитвой краткой,
Чтоб сын мой не был послан,
Мне в укор,
На землю к вам
С сапёрною лопаткой.

Ты теперь разговорчив не очень,
Став свидетелем чьей-то вины.
Вспоминай, вспоминай, вертолётчик,
Не пришедших с Афганской войны.

Сдёрни занавес сводок фальшивых-
Сколько было по правде – не в счёт
Гимнастёрок из цинка пошитых –
Тяжело поднимал вертолёт.

Вспоминай всех безруких, безногих…
Как их жажда брала на измор…
Кто повёл их афганской дорогой?
Чей-то сговор – для них приговор.

Сколько проку в такой заварухе
Побывавшим до срока в аду?
Убедиться, что «духи» есть духи?
Ненавистен и злобен их дух?

Ты прости за невольную пытку…
Побеседуем, всё же, с тобой.
Не из праздного любопытства
Ворошу эту старую боль

Я тебя бы не попросила
Беспощадную память листать…
Если б я сыновей не растила,
Не бралась бы об этом писать.

Биробиджану

Вязы, ёлки, тополя –
Городок зеленоглазый.
Я девчонкою была
Но в тебя влюбилась сразу.
И тебе я дорога,
Ведь ковры из листьев клёна
Ты бросал к моим ногам,
Щедрый город мой зелёный.
Цвёл цветочный календарь
Мне на площади Советов –
Ей талант иль Божий дар?
Жаль, пропал засохшей веткой…
Нерадивое дитя,
Я, мечтами одержима,
Оставляла вдруг шутя
Всё, чем здесь я дорожила…
Как родительский торшер
Тополёк сияет тонкий.
Здесь легко моей душе
В нашей с мамой комнатёнке.

У реки

Где путь безостановочный и длинный
Медяшками звенит прибрежный куст,
И музыка, и живопись едины
В слиянье безыскусственных искусств,

А бытие прозрачно и лазурно,
Неуловим его теченья след.
И кажется единственно разумным
И самым лучшим этот выход в свет…

Дышу блаженно всем болящим телом,
Глотками сочный свежий воздух пью.
И знаю, что живу на свете белом,
И чувствую, как этот свет люблю.

Кузнецовский перевал

Придётся ли ещё когда-нибудь
Мне Кузнецовский перевал проехать,
Как в детстве?
Годы…
А поди забудь
Страх леденящий,
Если глянуть сверху…
Крутой подъём и резкий поворот…
Сижу – дрожу
В прокуренном вагоне:
А вдруг на вираже не повезёт –
И прямо в пропасть
Домиком картонным?
«Не бойся, дочка», –
Чей-то голос был –
Вещает дед из темноты вагона:
«В людские кости был забит костыль
И кровью полит
Каждый метр погонный…
Надёжней, чем Китайская стена.
Она, кажись, замешана
На яйцах?
Наш Сталин наработал
До хрена
Таких дорог…
Куда до нас китайцам!»
Звучала неизбывная тоска
Невыдуманной горечи рассказа
О смертниках,
Бесчисленных
Зэка,
Которых после вспомнили
Не сразу…
Тогда,
По окончании работ,
Навеки не один
Бесследно канул…

Зато оставил кто-то
Из рабов
Усатый барельеф
На вечном камне…
Тот раб, наверно,
Сам был поражён
Портретной достоверностью
Тирана…
О, Родина!
Ты с каждым виражом
Детей своих несчитано
Теряла…
Истории урок,
Предположу,
Не с кафедры преподавали деду…
И содрогнусь…
А, может, задрожу,
Как будто
В том вагоне
Снова еду…

Я вновь на улице Магнитной…
Домов с садочками чреда,
Дороги тоненькая нитка,
По краю – клевер, череда.
Нет близ магнитных аномалий
И залежи железных руд,
Но в улице моей немало
Магнитов, что к себе влекут…
И всякий раз, когда весною
Листок ладонь протянет мне,
Я тороплюсь сюда и снова
Склоняюсь к тающей земле.
С усердием готовлю грядки
Под гладиолусы и лук.
С кузнечиком играет в прятки
Позолочённый резвый луч.
Под солнцем яблони томятся,
Над вишнею пчела жужжит,
Листочки расправляет мята,
И воздух терпок и душист.
Цветёт глазастая клубника,
И кажется, что из-под век
Глядит мне в душу,
Будто хочет
Понять,
Каков я человек…

С Рождеством!

А истина Христова, словно хлеб,
Питает душу, не надоедая…
Так светит неизменно тыщи лет
Звезда над Вифлеемом молодая.
И проникает через времена
Великая немеркнущая радость:
Христос родился во спасенье нам
В Давидовом благословенном граде!
Нам, ждущим избавленья от греха,
Измученным, но Богом не забытым,
Чтоб мудростью библейского стиха
И кровью Божьей были мы омыты,
Христос родился! Так ликуй, народ!
Сегодня в яслях мы нашли младенца –
Христос родился. И с тех пор живёт
Он вечно в каждом обновлённом сердце.

Плодонося-
щий маленький Израиль,
Я – твой росток,
попавший на Восток.
Тем, самым первым,
изгнанным из рая,
Бог всё ж оставил
райский уголок.
Все говорят,
что городок курортный,
Кто хоть однажды
в гости приезжал.
Живёт во мне
любовью первородной
Мой райский уголок –
Биробиджан.
И пусть не иудейка я
по крови,
На идише мне город детства
пел
Мотив негромкий
тополиной кроны,
И Сара мне качала колыбель.
Я примечаю:
на большой планете
Такие благодатные
места,
Где путеводной звёздочкою
светит
Избранник Бога
и народ Христа.
В оправах лиц
усматриваю лики,
Любовь и скорбь
вселенскую в глазах…
Народ,
который о себе
«великий»

Другим ещё ни разу
не сказал.
И всякий, как пчела
в янтарных сотах:
За дело взявшись,
толком завершит.
Коль по-еврейски
без ленцы работать,
То можно по-еврейски
сладко жить…
Среди берёз
и сосен величавых
Земля моя
добрее и мудрей,
Покуда рядом
с головой курчавой
Свет миру дарит
мой собрат еврей.
Надёжно
ненавязчивое братство,
Общение не в тягость –
только всласть…
Мне никуда
вовек не оторваться…
Где проросла,
там крепко приросла…

Всё на Земле не даром, неспроста:
Сорняк и колос, кляузы и строфы.
И кто-то с внешним обликом Христа,
И в чьём-нибудь обличье –
Мефистофель…
То над земной поверхностью летим,
То тягостно под гнётом спину горбим.
Здесь каждый – странник на большом пути,
Блуждающий меж радостью и скорбью.
То воздвигая замки, то круша,
Блаженствуем иль корчимся на дыбе…
А между тем, тут совершает выбор
Обетованья
Вечная душа…

Есть в дружбе смысл сакраментальный.
Не близнецы мы – а поди!
Как в сказке: обе Николавны,
Год, день рождения – один.
Не раз жизнь смешивала карты…
Я многое не сберегла…
Но ту девчонку с третьей парты,
Ершистую, сберечь смогла.
Работа.
Институт заочно.
Бесчисленность земных орбит…
Я в день рожденья
Знала точно,
Что дома
Твой букет стоит.
Всегда мне сердце согревала
Та мысль,
Что путь,
Хотя и крут,
Но есть надёжные причалы,
И что на тех причалах
Ждут…

Областной научной библиотеке
им. Шолом-Алейхема

О, как тропа сюда исхожена
За многие десятилетия!
Сюда, где в переплётах кожаных
Стоят седые раритеты,
Где дышат афоризмы краткие,
И Моисеевы скрижали…
Необозримые галактики
Меж узенькими стеллажами…
Крылечко, солнышком согретое,
Где судьбы сходятся орбитами…
Где Римма Казакова встретила
Любовь, доселе незабытую…
И тихо женщины прелестные
Хозяйничают во владениях.
И даже лестница,
Как лествица –
Для нас и путь,
И восхождение…

Вишня

Заневестилась вишня
На пушистом ковре.
Не под солнышком вешним,
А в седом декабре.
Две тонюсеньких ветки –
Словно брови вразлёт.
А над ними соцветья –
Снег искристый и лёд.
Ах ты, вишенка-вишня,
До чего хороша!
Под окно моё вышла,
Чтоб очнулась душа,
Чтоб весенние соки
Забродили во мне,
Чтоб не стыть одиноко
На морозном огне.

Гороскоп

Созвездьем Близнецов освещена,
Я в тайный мир души обращена…
Хочу того ли, нет –
В конце концов,
Душа моя,
Как пара близнецов:
Земля и небеса,
Огонь и лёд,
Вода и твердь,
Паденье и полёт…
Без половинки выжить нелегко…
Зачем ты мне,
Мой грустный гороскоп?
Напрасно ожидала столько лет
Созвездья
Водолей,
Весы
И Лев…
И властно
Шлёт лучи на мой порог
Нежданное созвездье –
Козерог.

День погас,
Укрылся за полями.
Ты, земля родная,
Крепко спишь.
Этой ночью
С Русскою поляной
Не сравнятся Прага и Париж.
Словно руки тонкие,
Протоки,
Развела зеркальная река,
А на остриях
Речной осоки
Вздрагивают звёздочки слегка.
Ни комар,
Ни быстрая лягушка
Не тревожат звуком.
Тишина.
Я гадаю на прибрежной гуще
И судьба Земли обнажена…
Здесь,
На самом краешке России,
На земле
С загадочной душой,
В стороне моей,
Такой красивой,
Мне тревожно жить
И хорошо…

Что связывает нас ещё?
Развязка позади.
Кто был опорой,
Кто – плющом?
Над пепелищем – дым.
Беседку виноград обвил.
Теперь спокойный год.
А ностальгия по любви
Когда-нибудь пройдёт.

Поворожи мне, милый, на руке,
Почародействуй над моей ладонью.
Не по руке,
По жизненной реке
Отправимся
Вечернею ладьёю.
Мелькают расписные терема,
А вот уже и золотые горы...
Но только не сума
И не тюрьма.
С таким-то молодцом
Бывать ли горю?!
Ты ворожи,
А я обворожу…
Пусть женская судьба
Звездой зависнет.
В твоей руке
Всё то,
Чем дорожу.
Мы от мужчин,
Порою,
Так зависим…
Не говори всей правды
До конца,
Неважно,
Что сегодня наворожишь –
Три свадебных
Весёлых бубенца
Или узоры
Дёгтем на воротах…

Ночью на сопке

Серпантиновой дорожкой
Мы поехали с Серёжкой
На макушку нашей сопки
От тревог и от забот.
Надрывается машина –
Тоже трудно брать вершины.
Только мне с таким мужчиной
Не поездка, а полёт.
Крутизна,
Кометы вспышка,
Гул рабочей телевышки.
Не скатиться бы неслышно
Камешком с откоса вниз…
Здесь таинственные звуки,
Здесь твои большие руки,
И в причудливом пейзаже
Незатейливый каприз…
Ночь торжественная в ризах,
Звёзды сверху, звёзды снизу.
Распластался спящий город,
Вьётся ветерок за мной.
На вершине ближе к Богу.
И уносятся тревоги
По накатанной дороге
Между небом и землёй.

Каждой женщине от рожденья
В мягких линиях завитка
Предначертано назначенье
Оставаться подобьем цветка.
Но в тенётах семейного круга
Сто забот станут сотней оков.
Мне ль рассказывать милым подругам,
Как непросто быть просто цветком.
Сохраняя в усталых ладонях
Нежность бархатных лепестков,
Делать долюшку с чашей бездонной
Лёгкой чашечкой над стебельком.
У цветка я однажды спросила:
«Ведом женский мой тягостный крест…
Где искать мне для этого силы?»
Был ответ: «У земли и небес…»

Нет, не любовные романы
И образы девичьих грёз
Твоё воображенье манят,
А мир меж сопок и берёз.
Идём к протоке над обрывом,
Садимся в лодку –
И пошёл!
Над головой –
Короной – брызги,
К руке –
Биры прохладный шёлк.
А красота кругом,
О Боже!
В златом песочке берега.
В венке цветов
Денёк погожий,
Красуясь, вышел на луга.
А воздух –
Свежий и медвяный;
А небо –
Сини купола!
И я кричу сквозь гул:
«Татьяна!
Какая родина у нас!»
И думаю о том,
Как часто нас лечат
От обид и лжи
Друзей душевное участье,
Земля,
Где выпало нам жить…

Песнь песней

Губы твои – сладкие, сочные, свежие
Руки твои – смелые, точные, нежные.
Тело твоё – пружинистое, приятное.
Объятья твои – вселенная необъятная.
Где бы я ни была – ты со мной…
Вместилище всех галактик –
Ты – земной.

Не велика для женщины услада –
Активною общественницей быть.
И гнаться за успехом или славой,
А по ночам в подушку тихо выть.
И преуспев в карьере и ученье,
Однажды важным человеком стать,
Об истинном забыв предназначенье:
Любить, рожать, лелеять и ласкать.
За это претерпев немало муки
И, может быть, от сверстниц поотстав,
Потом штурмуем главную науку
И главный женский жизненный устав.
Уборка, варка… Праздники не часты,
Как звёзды в отраженье серых луж.
Но есть простое человечье счастье:
Сопит ребёнок и целует муж.

Всегда я этот профиль рисовала –
Не ведают вины забавы наши…
Есть магия портретного овала…
И я его увидела однажды.
О, каково мне было… Я узнала!
В дом завела и что-то говорила…
И в полудрёме сумрачного зала
Его как скульптор заново творила.
Всё лишнее из камня убирала,
Ощупывала губы, шею, плечи.
Казалось, вместе с прошлым умирала
Я, жившая до этой дивной встречи.
Он улыбался, целовал запястья
И называл волшебными руками.
О, как умеет он светиться счастьем,
Моим дыханьем отогретый камень…

То живу легкокрыло,
То тяжко.
То белы, то черны
Волны дня.
Жизнь моя,
Ты – морская тельняшка –
Хоть в полоску,
А греешь меня.
На ветрах,
Но ещё не остужен
Сберегаемый нами
Очаг…
На столе –
Незатейливый ужин,
И тепло –
В драгоценных очах.
Может поутру
Шторм нас разбудит…
Наш корабль
Куда понесёт?
И волною – волненье:
Что будет
С нами всеми,
Когда рассветёт?
Не рассветом живу,
А просветом…
В чёрных днях
Добрый смысл ищу.
Ведь полосочка
Белого цвета
Вновь последует –
Тем и дышу…

Как женщину нетрудно обмануть!
Ты лишь промолви, что она любима.
Всё может быть на несколько минут,
Но запылает яркою рябиной.
И станет круче тонкий завиток.
И аисты легко взмахнут крылами,
И смеха серебристого поток
Рассыплет искры счастья между вами.
Предчувствие несбывшейся любви
Не покидает женщину с годами.
Мы по своей природе таковы:
Всегда, всю жизнь признанья ожидаем.
Да, женщину нетрудно обмануть,
Но, если ты – мужчина, не опасно
С тобою отправляться в долгий путь –
Мужчины не бросают слов напрасно.

Художнице Розе Строковой*Ошибка! Закладка не определена.*

На этот мир с загадочных полотен
Глядит семейство праведного Лота
И отражение в зеркальных реках
Рахили, Сары, Леи и Ревеки.
Движенье небывалых светотеней,
Причудливых корней и тел сплетенье
И благодать, и нега райских кущей,
И помыслы о сущем и насущном.
Над вечными библейскими стихами
Живого Бога чистое дыханье.
Нерассоединимых линий связь.
Видений зыбких чувственная вязь.
В ней царствует легенда, сказка, миф.
Изображенье без мазка и красок.
Но ярок, удивительно прекрасен,
Разнообразен чёрно-белый мир.

Евгении Николаевне Батуриной,
учёному и поэту

Есть в тебе, Евгения,
От гения –
В имени и творчестве
Вполне…
Стих,
Твоим
Рождённый
Вдохновением
Будто говорит и обо мне.
Узнаю листочек,
Ветром сорванный,
Тихий ливень
Цвета желудей…
И сближает
Слово невесомое
Не родных,
На первый взгляд,
Людей.

Учитель

памяти
заслуженного работника культуры России
Дмитрия Григорьевича Алексейцева

Ученье с увлечением –
Взойдёт зерно, дай срок.
«Чертение» – черчение –
Любимейший урок.
Альбом для рисования.
Пленэры у реки.
Заслуженное звание
Дадут ученики…
Сгусти, художник,
Краски
Вновь…
Гуашь, мольберт, холсты…
Заря прольётся красная
На ранние цветы.
Земля задышит талая –
Отходит ото сна,
Заблудится в проталинах
Неспешная весна.
Лесок ручьём умоется,
Как будто слышу трель…
Мне с той поры рифмуется:
Апрель
И акварель.

Памяти Шнеера Конника

переводчика газеты «Биробиджанер Штерн»,*Ошибка! Закладка не определена.*
артиста еврейского народного театра

Какая тишь и солнышко какое…
И небо цвета голубиных крыл.
Вчера ушёл из жизни Шнеер Конник
И дверь тихонько за собой закрыл…
У школы во дворе шумят мальчишки.
Им невдомёк, они летят гурьбой,
Что кто-то ненаписанные книжки
В небытие своё унёс с собой.
А у ДК в сторонке сиротливо
Им сыгранные роли собрались,
Ведь он когда-то, молодой, счастливый.
О них мечтал у новеньких кулис.
В библиотеке книги онемели.
Они дружили с ним который год.
На идише беседовать умели.
Когда и кто теперь переведёт?!
Кадиш и траур над свечой лучатся.
Иная жизнь берёт свои права.
И с опозданьем в дверь его стучатся
Несказанные добрые слова.

«Я прост – о, Боже!
Я просто Римма.
Я просто тоже
Имею имя.
И это имя –
Мой вечный остров.
И быть моими
Совсем непросто».
«Все мы песнями беременны…
Вам, друзья, не буду врать.
Одного мы роду-племени,
Вместе нам и умирать».
Римма Лавочкина

Может, умирать – не срочно?
Может, будем-таки жить,
Если кто-то нашей строчкой
После будет дорожить?
Что – слова в твоей «копилке»?
Вечный вересковый лес?
Иль древесные опилки?
Или «шелуха небес»?
Знаю, сложно быть «твоими»…
Я не лезу, я молчу.
Но твоею, «просто Римма»,
Я ужасно быть хочу!

Подписано в печать 22.05.2007 г. Формат 60x841/16
Усл. печ. л. 2,09. Уч.-изд. л. 1,35
Тираж 30 экз. Заказ № 15

Редакционно-издательский сектор
Биробиджанской областной универсальной
научной библиотеки им. Шолом-Алейхема
679016 г. Биробиджан, ул. Ленина, 25

679016 Россия, ЕАО, г. Биробиджан, ул. Ленина, 25
тел./факс (42622) 6-88-41. E-mail: library@on-line.jar.ru